Утром звонили колокола, вечером стучали барабаны, горный туман окутывал вершины, с рассвета до самых сумерек. Ветер гнал по небу облака, время не останавливалось ни на секунду.

Среди гор величественно возвышался Храм Скайи, словно великан, полный сострадания, смотрел на мир людей. Бесконечный поток паломников проходил через его ворота каждый день, с самого рассвета, они шли, чтобы поклониться Будде, рассказать ему о своих самых заветных желаниях и попросить божественной милости. Тысячи людей приходили, молились, затем уходили, день за днем, ничего не менялось здесь. В главном зале храма, где стояла золотая статуя Будды, не угасали огни благовоний и свечей, время здесь текло незаметно.

Зевул, или Дан Сайон, снова вошел в комнату, где покоился Пучжи. Прошел целый день, но от него не было слышно ни звука. Мастер Пухон какое-то время ждал его снаружи, но затем со вздохом он вернулся к себе. Только Фасян, с тех пор, как Зевул вошел в комнату, стоял снаружи, терпеливо ожидая его появления. Никто не знал, почему он остался, и никто, даже Мастер Пухон, не спрашивал его об этом.

И Фасян в одиночестве стоял на одном месте, словно ожидая чего-то.

Закат разлился по небу кровью, окрасив облака в красный цвет. Издалека они казались позолоченными, зрелище было прекрасным. Красота природы всегда перед тобой, разница лишь в том, замечаешь ты ее или нет.

Фасян застыл, глядя на закатное зарево. Он целый день провел без сна, но на его лице это никак не отражалось, только яркий свет заходящего солнца блестел в его зрачках.

Как вдруг, из-за его спины раздался голос: «На что ты смотришь?» Фасян вздрогнул, пробудившись от своих мыслей и увидел, что это Мастер Пухон подошел к нему и встал рядом, глядя на ученика с улыбкой.

Фасян улыбнулся и сложил руки в молитве. «Приветствую, Мастер. Ученик просто любит закатом, ничего более. Из-за этого я не слышал, как вы вернулись».

Пухон с улыбкой сказал: «Не нужно обращать слишком много внимания на церемонии, я лишь хотел узнать, на какие мысли тебя наводит этот закат?»

Фасян легко вздохнул. «Ученик провел здесь один день и ночь, глядя на звезды и синее небо, пока закатное солнце не окрасило облака красным и золотым. И я подумал, что люди в этом мире всего лишь песчинки в океане, так в чем же смысл нашего существования? Я вдруг понял, что все так, как должно быть, все идет в согласии с природой и судьбой».

Пухон кивнул. «Ты ведь знаком с миром людей, ученик. На земле миллионы существ, у

каждого из них свое место, и хотя все пути на свете разные, есть дороги, predetermined судьбой, которые невозможно обойти. Если ты можешь прийти к этому, просто глядя на закат, это достойно восхищения».

Фасян уважительно поклонился. «Благодарю за похвалу, Мастер, но я ее не достоин. Я просто подумал об этом, но сердце мое беспокойно, и я все еще не понимаю, почему судьба распоряжается именно так, а не иначе, как это происходит? Все люди на земле живут, любят и ненавидят, но ради чего? Неужели заветы Будды о не-привязанности, милосердии и спокойствии невыполнимы для простых людей? Я запутался, прошу, Мастер, укажите мне путь».

Договорив, Фасян поклонился с молитвенным жестом.

Пухон долго смотрел на него, затем медленно кивнул, на его лице отразилась улыбка, но он не ответил сразу, а только после минутного взгляда на закат снова повернулся к Фасяну. «Ты сейчас видел перед собой только этот закат?»

Фасян ответил: «Да, Мастер, я смотрел на свет и тени вокруг, и мое сердце было полно печали и сомнений. Прошу, Мастер, дайте мне ответ».

Пухон снова улыбнулся. «Еще через миг солнце скроется за холмом, но этот закат все еще будет виден». Фасян задумался, не понимая, о чем говорит Мастер и только смог произнести: «Я не понимаю...»

Пухон просто посмотрел на небо, на заходящее солнце. Небо становилось все темнее, теряя яркие цвета. Затем он сказал: «У солнца нет чувств, оно не задерживается ради тех, кто любит его. Но завтра утром оно снова будет здесь, и ты опять его увидишь, так?»

Фасян вздрогнул, словно что-то осознав, но не смог ничего сказать, его лицо было задумчивым. Пухон смотрел на него с улыбкой, ни слова не говоря.

Небо постепенно потемнело, солнце исчезло за холмами, но скоро возшла прекрасная луна, озаряющая все вокруг своим серебристым светом.

В сумраке ночи, под светом луны, храм Скайи погрузился в спокойствие. И хотя сейчас здесь было не так оживленно, как днем, в этой тишине тоже была своя красота.

На вершине холма, посреди маленького двора Небесного Монастыря так и стояли двое – учитель и ученик. Вокруг спокойно пролетал полуночный ветер.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем посреди маленького дворика раздался легкий смех.

Фасян с радостным выражением сделал несколько шагов вперед, глядя на луну наверху. Ее свет озарил его белоснежные одежды, словно снегом.

Фасян громко рассмеялся, развернулся и опустился на колени перед Пухоном, с молитвенным

жестом. «Благодарю за наставление, Мастер. Ученик все понял».

В глазах Пухона отразилось одобрение, он давно знал, что уровень его лучшего ученика достаточно высок, чтобы все понять. На его лице появилось выражение радости, он протянул руку и похлопал Фасяна по плечу, проговорив: «Хорошо!»

«Это прекрасно, что ты понимаешь не только учение Будды, но и мудрость жизни. Среди нас четверых братьев, именно Пучжи был самым мудрым, жаль, что он оступился на своем пути. Именно то, к чему он стремился, его и погубило. То, что ты понял сегодня, это настоящая удача, это знание не даст тебе сбиться с пути».

Фасян замер и посмотрел на Пухона. «Мастер, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду?»

Пухон покачал головой, затем на его лице отразилась легкая печаль. «С тех пор, как не стало Пучжи, никто из нас не мог продолжить его заветы, но теперь у нас есть ты, и это действительно большое счастье для храма Скайи. Теперь я спокойно могу оставить этот мир».

Фасян удивленно посмотрел на Мастера, его лицо слегка изменилось, и он, не успев подняться с колен, снова припал к земле, торопливо проговорив: «Мастер, что вы такое говорите? Как Скайя сможет жить без вас? Я никогда не смогу вас покинуть, мне еще очень многое предстоит от вас узнать! Я прошу лишь, чтобы вы не спешили покинуть храм Скайи и своих учеников!» Договорив, он смиренно опустил голову.

Пухон усмехнулся, затем странно вздохнул, поднял Фасяна с земли и произнес: «Глупый, глупый ребенок. Нет ничего вечного под небесами. Но тебе не нужно так волноваться за меня, всему свое время, спешить не нужно. Будущее придет в свой черед, принимай это со спокойным сердцем».

На лице Фасяна блеснули слезы, но он все же понял, что не сможет переубедить Мастера. И хотя он не мог унять волнение от слов Мастера, он решил оставить этот разговор на потом. Подумав об этом, он вытер слезы и встал рядом с Мастером.

Пухон посмотрел на небо. Луна была высоко, прекрасная и холодная. Он вдруг произнес, глядя вверх: «Пойдем посмотрим, как там наш гость».

Фасян замер. «Что?»

Пухон просто ответил: «Что бы с ним ни произошло, должен же быть какой-то результат». Договорив, он больше не произнес ни слова, а просто направился к той маленькой комнате у скалы. Фасян медленно направился за Мастером. Когда он посмотрел на дверь впереди, он почему-то начал волноваться.

Целый день и ночь, что делал Зевул, наедине с духом Пучжи? Или что он мог сделать?

Ответ скрывался за этой дверью. И когда они вошли внутрь, он появился прямо перед ними, в освещенной лишь тусклым светом Яшмового Блюда в комнате.

Ничего. Не произошло!

Пучжи все еще покоился на Яшмовом Блуде, а перед ним Зевул, или скорее Дан Сайон, сидел на коленях, спиной к Фасяну и Пухону, молча глядя перед собой.

Пухон глубоко вздохнул и только хотел что-то сказать, как вдруг почувствовал, что Фасян потянул его за рукав халата. Повернувшись, он увидел, что Фасян взглядом указывает на Зевула.

Пухон проследил за его взглядом и нахмурился. В комнате ничего не изменилось, кроме того места, где сидел Зевул. Пол из зеленого мрамора под ним был покрыт трещинами, окружающими его. И чем ближе к его телу, тем больше их было, прямо под ногами Зевула пол был не просто потрескавшимся, он почти что превратился в песок.

Неизвестно, что произошло здесь с Зевулом за это время, и, наверное, никто никогда не узнает об этом.

Пухон медленно подошел к Зевулу и посмотрел на пол перед ним. Его голос остался спокойным: «Брат Дан Сайон, ты находишься здесь уже целый день и ночь, к чему пришли твои мысли?»

Зевул медленно перевел взгляд от Пучжи к Пухону, и тот слегка вздрогнул, увидев его бледное лицо. Казалось, он пережил здесь не одну ночь, а целую сотню лет.

Пухон сложил руки в молитве и произнес: «Амитабха!»

Зевул медленно поднялся на ноги, но его колени вдруг подкосились – он не мог стоять ровно. Фасян и Пухон нахмурились, и Фасян тут же подбежал, чтобы поддержать Зевула. Тот, наконец, встал ровно, глубоко вздохнул, и затем повернулся к Пухону.

Он был очень слаб, но сейчас держался на ногах, словно каменный.

«Мастер», его голос был немного хриплым.

Пухон кивнул. «Да, я слушаю тебя».

«Умершие должны покоиться с миром. Я прошу вас предать тело Пучжи огню и похоронить его прах!»

Пухон и Фасян вздрогнули, посмотрели на Зевула, и через миг Пухон тяжело вздохнул. Он тихо сказал: «Ты хорошо подумал над этим?»

Зевул неожиданно для всех улыбнулся и посмотрел на Пучжи, сидящего на своем постаменте. Его лицо слегка расслабилось, он медленно проговорил: «Наши судьбы связаны не одной ночью, и я уже когда-то преклонялся перед ним, называл его своим Мастером. Он спас меня, но в то же время и ранил. Но если бы не было его, не было бы и меня. И хотя я не стал учеником Будды, я знаю, что вы верите в реинкарнацию. И если его прах не упокоится, я уверен, что и душа его не сможет возродиться снова».

От рук Зевула шла ледяная прохлада, которую почувствовали даже Пухон и Фасян. Это была сила Души Вампира. Зевул продолжил: «Демоническая энергия Сферы Крови очень сильна. Я ощутил это на себе и могу понять, что происходило с Пучжи». Зевул вдруг повернулся к двери и, время от времени покашливая, пошел прочь.

Пухон и Фасян произнесли молитву, глядя ему вслед, и Пухон сказал: «Я понимаю твоё желание, оно достойно исполнения. И я прикажу ученикам развести огонь, чтобы похоронить Пучжи с достойными почестями. Но перед этим, возможно... у тебя есть еще какие-то пожелания?»

Зевул уже был у двери и одной рукой толкнул ее, но через миг он задумался и словно каменный застыл на месте. Пухон и Фасян не знали, о чем он думает, и просто смотрели на него, ничего не говоря.

Зевул медленно развернулся, снова посмотрел на знакомое лицо, полное сострадания. Это лицо он видел всего два раза в жизни, но за десять лет оно больно врезалось в память, в конце концов оставив незаживающую рану. И сейчас монах как прежде спокойно улыбался, глядя на него.

Он стал Зевулом. Или остался Дан Сайоном. Кто мог знать это сейчас? Да и кто мог хотеть это знать?

«Бум!»

Молодой парень, прямо у выхода из комнаты, рухнул на колени, глядя на Мастера перед собой и с болью в глазах трижды поклонился. Он поднял голову, и на его лице отразилось страдание. Он произнес: «Мастер!»

□□

Вокруг воцарилась тишина!

«Мастер! Покойтесь с миром...»

Он очень тихо сказал последнюю фразу, затем поднялся, молча открыл дверь и вышел.

Пухон и Фасян молча смотрели на него, не издавая ни звука. Затем, когда Зевул вышел, Фасян вздохнул. «Он... действительно очень мудрый человек, и очень благородный! В самом деле, удивительно! Амितिбха...»

Пухон повернулся и посмотрел на Пучжи, затем, помолчав, спросил: «Брат, теперь твоя душа может быть спокойна?»

В голосе Пухона слышалось удивление, и Фасян, услышав это, тоже удивленно развернулся к нему. От увиденного он вздрогнул, не веря своим глазам.

С Пучжи, сидящим на Яшмовом Блюде, произошло что-то странное. Его тело, находящееся в центре блюда, вдруг начало превращаться в пыль, осыпаящуюся вниз. А на его лице почему-то больше не было страдания и печали, осталась только светлая радость утешения. На глазах у двоих монахов тело Пучжи исчезло. Пухон сложил руки в молитве, его глаза блестели от слез.

«Брат, мой дорогой брат... Твое желание исполнилось, я очень рад, что смог этому содействовать. Теперь мне не о чем пожалеть, и ты тоже можешь быть спокоен».

От тела Пучжи скоро осталась лишь горсть белоснежной пыли, которая испускала легкое сияние на Яшмовом Блюде. Блюдо вдруг ярко сверкнуло, и в маленькой комнатке, неизвестно откуда, поднялся ветер.

Казалось, где-то далеко зазвучала молитвенная песнь.

□□

Яшмовое Блюдо сверкнуло еще ярче, ветер закружился по комнате, так что халаты Пухона и Фасяна громко затрепетали. Как вдруг, от Яшмового Блюда раздался громкий свист, а свет заполнил все пространство комнаты. Белая пыль рассеялась во все стороны с громким звоном, исходящим будто бы от небес!

Все вокруг накрыло ярким свечением, а стены комнаты озарились светом Яшмового Блюда так сильно, что на них не стало видно трещин. Было видно лишь сияние, белее снега на горных вершинах. Эта картина поражала!

Яшмовое Блюдо медленно поднялось в воздух в этом сиянии, а белая пыль закружилась вокруг этого чудесного эспера, словно живая. Снаружи в маленьком дворе стоял Зевул. Он смотрел на небо, а лицо его заливали слезы.

Яшмовое Блюдо вылетело из комнаты, описало вокруг Зевула три круга и, наконец, остановилось прямо перед ним.

Зевул смотрел на белоснежную пыль, теперь уже похожую на дымку, и сжимал зубы, не в силах себя контролировать.

Затем, в ярком свете, посреди прекрасной ночи, от Яшмового Блюда раздался треск, словно раскололся лед. Этот звук разлетелся далеко вокруг, и прямо на глазах Зевула волшебный эспер превратился в мелкую белоснежную пыль, искрящуюся в лунном свете.

Издали подул ветер, эта пыль поднялась вместе с ним и унеслась вдаль, исчезнув навсегда.

<http://tl.rulate.ru/book/13084/358332>